

УДК 808.1

ОТРАЖЕНИЕ СОБЫТИЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В РОМАНЕ Э. Л. ДОКТОРОУ «КНИГА ДАНИИЛА»

© Екатерина Чернецова

REPRESENTATION OF THE COLD WAR EVENTS IN "THE BOOK OF DANIEL" BY E. L. DOCTOROW

Ekaterina Chernetsova

The article concerns the novel "The Book of Daniel" by E. L. Doctorow, which transforms the case of conviction and execution of Ethel and Julius Rosenbergs well-known in the USA. They were accused of conspiracy in the 1950s. The novel represents an original interpretation of history without mentioning the names of these people, but the family of Isaacsons, the American communists Rochelle and Paul and their children Daniel and Susan, are a clear allusion to the Rosenbergs. Thus, the document, being a basis of the book, functions differently from what we can see in traditional works where fiction is combined with non-fiction. Doctorow represents important events of the Cold War as seen by the fictional protagonist and narrator Daniel. He creates his own myth of the depicted family, their principles as well as a socio-political background of the events. This is achieved by a special type of a narrative technique based on the image of the main character. As a result we can see the so called pastiche, a game of a story-teller, a character, an author, a character and a narrator of another book and a reader. It is important that these aspects are typical of postmodern prose. Moreover, by combining documentary and fictional characters, Doctorow interprets his vision of history and presents his attitude to the social role of art and literature.

Keywords: novel, document, fiction, myth, interpretation of history, narration, identity.

Статья посвящена анализу романа Э. Л. Доктороу «Книга Даниила», который трансформирует известный в США случай обвинения в шпионаже и казни Этель и Юлиуса Розенбергов в 1950-х гг. Роман представляет собой особую интерпретацию истории. В произведении эти лица не упоминаются, однако семья Айзексонов – Пол и Рошель, американские коммунисты, и их дети, Даниил и Сьюзан, – представляют собой явную аллюзию на Розенбергов. Так, документ, являясь основой книги, функционирует несколько иным образом, чем это происходит в традиционной литературе, комбинирующей документ и вымысел. Э Доктороу воспроизводит важные события Холодной войны, уделяя немалое внимание их осмыслению центральным персонажем и рассказчиком Даниилом. Он создает собственный миф о людях, подобных Розенбергам, создает вымышленную историю на социальном и политическом фоне великих событий XX века. Это достигается посредством особой повествовательной техники, основанной на роли главного героя, который создает некий пастиш, игру с образами рассказчика, персонажа, автора, персонажа и рассказчика другой книги и читателя. Важно, что упомянутые аспекты являются составляющими постмодернистской прозы. Более того, объединяя документальных и вымышленных персонажей, Доктороу интерпретирует свое видение истории и выражает свое отношение к социальной роли искусства и литературы.

Ключевые слова: роман, документальность, художественная литература, миф, интерпретация истории, повествование, идентичность.

Роман Э. Л. Доктороу «Книга Даниила», написанный в 1971 году, повествует о семье Мишель и Пола Айзексонов, приговоренных к смерти на электрическом стуле по обвинению в шпионаже и передаче Советской разведке важных данных о ядерном оружии США. В основе романа лежит уголовное дело семьи Юлиуса и Этель Розенбергов, единственных гражданских лиц, казненных по такому обвинению в США во

время Холодной Войны в 1953 году. Примечательно, что Пол и Рошель Айзексоны являются документальными родителями вымышленного и в некоторой степени библейского рассказчика. Роман переплетается с Книгой пророка Даниила не только потому, что заглавие – это самая первая явная аллюзия, а потому, что рассказчик, Даниил, в процессе повествования часто ставит перед собой онтологические и теологические во-

просы: например, рассуждает «о природе и функции Бога»; о причинах поведения американцев, представителей различных ячеек общества; наконец, о более глубоких причинах гибели родителей и сестры, о возможности анализа сложившейся в стране и его семье ситуации, о «крушении этого анализа». Одним из ключевых вопросов является идентичность его родителей, вероятно, переплетающийся с вопросом о его собственной идентичности.

Библейская составляющая романа, цитатные отсылки к библейскому тексту, несомненно, являются аллюзией на период Вавилонского плена – вполне очевидную параллель с тюремным заключением Айзексонов. Даниил не пытается юридически доказать невиновность своих родителей, а старается понять, почему его государство допустило подобный исход и как его корни и история определили его идентичность. Доктору обрамляет роман библейским текстом, цитируя «Книгу Даниила» в эпиграфе и в последнем абзаце повествования, написанного от лица сына Айзексонов, которого автор намеренно именуется Даниил, возлагая на него ответственность рассказчика и определяя тем самым характер своего рассказчика, его взгляды, цели и искания.

Однако вовсе не очевидно, как евангельский текст переплетается с текстом и замыслом романа. В этом смысле согласимся с одним из исследователей романа, который утверждает: «рассказчик может надеяться, что эпиграф и цитаты функционируют как твердая основа для понимания целей Даниила, что они могут пролить свет на то, как он видит себя и место своей семьи в истории, а также на его философию истории» [Dillon, с. 366], но сразу задается вопросом о том, являются ли эпиграфы и цитаты серьезным основанием для интерпретации литературной работы. Б. Диллон уверяет, что отсылки Даниила «к своему евангельскому тезке в повествовании скорее накладывают на текст новые значения, чем указывают на интерпретацию евангельского текста», и называет это лишь отступлениями от основной темы повествования [Там же]. Что касается параллелей с библейским текстом, очевидно, что тематически роман перекликается с ним, поскольку Даниил уверен, что его родители стали жертвами жестоко организованного истерического антисемитского преследования, и достаточно много рассуждает об этом.

Необходимо отметить, что библейский Даниил играет важную роль в Вавилонском суде. Любые попытки американского Даниила достигнуть хоть какой-то твердой и влиятельной позиции в политических взглядах обречены на провал. Он

ничего не решает ни в деле о суде своих родителей, ни в движении новых левых:

Я мог бы сжечь свои наброски на ступенях Пентагона, и ничего не случилось бы. Ни одно мое действие не отразится ни на чем, кроме как на дополнении к моему файлу. Моему файлу. Я лишен шанса сопротивляться моему правительству» [Doctorow, с. 72].

Это подтверждает подход Доктору к своему рассказчику как к романтическому персонажу, страдающему и страдающему в условиях современного общества.

В романе представлено сочетание вымысла, факта и мифа, причем стоит повториться – мифа романтического, поскольку герои Доктору скорее вписываются в концепцию романтического героя, хотя и представлены с натуралистичной достоверностью. Фраза «Alone in the Cold War» («Один в Холодной войне») неоднократно встречается на страницах романа. Даниил и его сестра представлены одинокими персонажами. Сюзан не в силах побороть общественное восприятие новых левых, собственное восприятие ситуации ее родителей и современного ей политического противостояния правых и левых, не в силах бороться с государственным устройством, не добивается ожидаемой поддержки брата и в итоге погибает. Одиночество Даниила также очевидно, попытки понять глубину причин обвинения и смерти его родителей неоднократно заводят его в тупик.

С точки зрения сочетания факта и вымысла в романе интересна не достоверность интерпретации автором событий из истории США, тем более автор не стремится к этому. Однако спустя много лет, в своей беседе с Алленом Вайнстайном, главой федерального архивного управления США, представленной отечественному читателю на страницах журнала «Иностранная литература» в переводе Елизаветы Домбаян, открыто высказывает свою позицию:

Если разобраться, все участники судебного процесса показали себя не лучшим образом: и сторона обвинения, и судья, который явно состоял в сговоре с прокурором, и, безусловно, Рой Кон, который изуверски хвастался, что именно он внушил судье Кауфману мысль о смертной казни, и сам судья Кауфман, заявивший, что Розенберги несут ответственность за войну в Корее. Последнее – бред чистой воды. В общем, все, кто причастен к этому делу, как ни крути, выглядят отвратительно [Домбаян].

Э. Доктору, обратившись к случаю из жизни американских коммунистов, жертв террора, почти через 20 лет, предлагает читателю самому понять справедливость содеянного властями США.

Он делает это посредством создания двойной композиции, в которой переплетаются 1960-е и 1950-е гг., и особого образа главного героя романа, Даниила, сына супругов.

Рассказ представлен так, словно сын Айзексонов повествует его через 14 лет после казни родителей. Он начинает писать в Библиотеке Колумбийского университета в 1968 году, в период волнений против войны во Вьетнаме, которая разделила не только тысячи людей, разошедшихся во мнениях, но и Даниила с его младшей сестрой Сьюзан, студенткой Рэдклиффа, активисткой молодежного леворадикального движения в 1960-х гг. в Бостоне. Она упрекает Даниила в том, что он отказывается поддержать ее в желании использовать имя их родителей в качестве основы для названия революционного движения. *«Имя Айзексонов имеет значение. То, что случилось с Айзексонами, – урок для нашего поколения»* [Doctorow, с. 104]. Даниил принимает участие в Марше на Пентагон в 1967 году, попадает в полицию. Довольно скоро Сьюзан попадает в психиатрическую больницу из-за попыток самоубийства. Когда брат навещает ее, она произносит фразу, которая заставила Даниила задуматься о ее правоте, о современном состоянии общества, о политической ситуации в стране: *«Они все еще имеют нас»* [Там же, с. 15].

Случай представлен сквозь призму его восприятия Даниилом, который становится рассказчиком. Рассказчика интересует его исследование, его текст, автора – его повествование, рабочий процесс. Рассказывая то от первого, то от третьего лица, переходя на повествование от лица библейского Даниила, периодически обращаясь к читателю, впадая в отчаяние, Даниил, с одной стороны, проявляет неуверенность в собственной способности отыскать существенные доказательства, свидетельствующие о невиновности его родителей, постичь правду о его родителях и его стране.

С другой стороны, он демонстрирует намерение Доктору одновременно изобразить романтического героя, традиционно не вписывающегося в законы современного общества, но и неспособного бороться с ним, и создать рефлексирующего рассказчика, постмодернистского персонажа и постмодернистский текст, в котором немаловажно и эмоциональное воздействие на читателя. Доктору неоднократно и в своей публицистике, и в интервью высказывает свой взгляд на место человека в обществе и истории и невозможность изобразить полноценную картину средствами реализма. Так, в уже упомянутой беседе он в очередной раз повторяет ее, добав-

ляя, что вписать это в литературное полотно оказывается совсем не просто:

Вам известно, что это часть литературного процесса? Время от времени нужно просматривать то, что уже сделано, и я посвятил один день чтению написанного. Текст оказался ужасным, очень скучным, и я впал в отчаяние ... Ополчившись на себя, я вставил лист бумаги в пишущую машинку – именно так мы работали в те времена – и начал печатать нечто вроде пародии на собственные писательские притязания. Так появилась первая страница «Книги Даниила», после чего я понял, что не мне писать эту книгу – ее должен написать Даниил, выросший сын Розенбергов, в попытке примириться с жизнью, какую уготовили ему родители. Дэниэл помог мне ответить на вопрос, как выстроить книгу, поскольку знал ситуацию изнутри, – что обязан знать и автор, о чем бы ни писал, но в то же время он блуждал в потемках – так же, как и автор, то есть я. Итак, я сумел написать эту книгу благодаря тому, что встал на точку зрения Даниила [Домбаян].

Автор представляет многие исторические факты времени дела Розенбергов, однако делает это, не ссылаясь на документы. Читатель вынужден видеть изображаемое глазами Даниила, который часто погружается в пространные рассуждения о жизни, преступлении, смертной казни, пытках, электричестве. Даниил детально описывает процесс казни его родителей на электрическом стуле:

«Думаю, ты не веришь, что я не смогу воспроизвести казнь на электрическом стуле. Я знаю, что есть ты. И ты всегда был. ТЫ: Я покажу тебе, что могу воспроизвести казнь на электрическом стуле», – пишет Даниил перед описанием [Doctorow, p. 310].

Другая немаловажная особенность взаимодействия документа и вымысла в романе – это время. На наш взгляд, это элемент хронотопа, который оказывает существенное влияние на замысел произведения в рамках сочетания fiction и non-fiction. Вдохновившись, по его словам, антивоенными волнениями и движением так называемых «новых левых 60-х гг.», автор затрагивает явление, трансформировавшееся, но в целом также являющееся неотъемлемой частью Холодной войны. В очередной раз обратимся к беседе Доктору с Вайнстайном, поскольку идеи, высказанные здесь писателем, раскрывают и подтверждают особенности его метода письма, о которых он много, но довольно пространно рассуждает на страницах своих публицистических работ:

Думаю, художественный вымысел вторгается в историю. Историки знают, что не объективны. Пере-

сечение мифа и истории – вот исходная точка, с которой начинаются мои романы ... Вы спросили, как я обратился к истории, – думаю, этого потребовал сам жанр романа. Я вырос в Нью-Йорке, но этот город никогда не влиял на мое писательство так же сильно, как, например, Средний Запад на Шервуда Андерсона и Синклера Льюиса или Юг на Уильяма Фолкнера. Просто мне пришло в голову, что время может стать таким же организующим принципом романа, как и место. Но я не причисляю себя к авторам исторических романов. Я вообще против такого определения [Домбаян].

Даниил много рассуждает о политике:

Факт в том, что политики вполне осознают, что законопроект Никсона-Мундта противоречит конституции. <...> Их намерение не просто провести законопроект, оставив таким образом американских коммунистов вне закона. Они еще пока не занимают нужной позиции для этого. Их главное намерение – в том, чтобы подавить и запугать силы прогрессивистов в этой стране, повернуть вспять поток истории, что, конечно, бесполезно. Но все станет хуже раньше, чем сможет стать лучше. Будут депортации, обвинения в неподчинении властям, черные списки, тюремные заключения. Все это – часть замысла Уолл Стрит, отражение капиталистического империализма, пытающегося удержать свои уже загнивающие основы. Вот цель так называемой Холодной войны, цель нашей внешней политики со времен смерти Рузвельта [Dostorow, с. 98].

Просматриваются и определенные политические взгляды Доктору, которые он не скрывает, и заявляет о них не только в своей публицистике, но и в интервью:

В конце 1960-х в некоторых университетских кампусах более или менее спонтанно, как протест против войны во Вьетнаме, возникло движение так называемых «новых левых». Мне захотелось сравнить их со «старыми левыми». Для левого движения 1930-х годов была характерна европейская, марксистская направленность. «Старые левые» либо слепо подчинялись Советскому Союзу, либо с негодованием от него открещивались, но продолжали исповедовать утопическую теорию, тогда как «новые левые» тяготели к анархизму. Позднее это движение распалось на различные группировки, но в них по-прежнему царил дух анархии, который вырвался из кампусов вместе с рок-н-роллом и новой манерой одеваться. Мужчины отращивали волосы, все стали носить джинсы. Дальше все это слилось с движением за гражданские права. Я стал думать, как лучше рассказать об истории моей страны в 30 и 40-е годы, и пришел к выводу, что не иначе как через инакомыслящих [Домбаян].

Таким образом, Э. Доктору осмысливает нужные ему темы во множественном контексте –

в контексте радикальной культуры Новых Левых 1960-х и в контексте Старых Левых 1930-х.

В одном из своих эссе Э. Доктору утверждает: «Не существует истории, кроме той, что мы сочиняем» [Parks, с. 458]. Доктору более чем, например, Новые журналисты вкладывает свои видение и оценку истории. Историческое событие он трансформирует в соответствии с целями, которые он преследует, а для него важно не потерять возможность воздействовать на представления аудитории о прочитанном: «„Книга Даниила“ – это не художественная интерпретация дела Розенбергов одним из их детей, это изображение трудностей, с которыми сталкивается потенциальный рассказчик, пытаюсь обратить реальную историю в рассказанную» [Harpham, p. 82]. Данный процесс повествования и создания полотна, художественного или с претензией на достоверную презентацию фактов, Э Доктору объясняет желанием зафиксировать показательное событие, иллюстрирующее ту или иную ситуацию в стране, в данном случае политическую.

Доктору критикует прозу, сосредоточенную на частной жизни и игнорирующую социальные и политические аспекты жизни. Он не скрывает своей позиции относительно социальной значимости искусства и литературы. Говоря о работе над книгой, он акцентирует внимание на процессе домысливания, а не процессе исследования, что отличает его технику от техники новых журналистов. Его разговор с Алленом Вайнштейном состоялся через какое-то время после обнародования фактов о деле Розенбергов, и автор в нем подтверждает вывод о том, что при интерпретации истории совсем не обязательно опираться на документальные источники:

Не знаю, давно ли вы читали эту книгу, но все мои догадки насчет содержания засекреченных документов оказались верны; это подтверждает и недавнее признание Мортон Собелла. Если меня спросят, написал ли бы я сейчас по-другому, я скажу «нет». Вот для чего нужен дар, позволяющий домысливать то, чем не владеешь [Домбаян].

Такое домысливание вынуждает Джозефа Эпштайна и других критиков утверждать, что роман является попыткой создать художественное оправдание Розенбергам, что в целом подтверждает атмосфера романа. Постмодернистский метод, на наш взгляд, позволяет расширить контекст, как исторический, так и социокультурный.

В эссе, посвященном Холодной войне, Доктору говорит, что ядерное оружие в осмыслении романистом теряет свою политическую и военную сущность. Он утверждает, что в художест-

венной прозе частный случай отражает коллективную судьбу. По сути, на это претендует каждый писатель, обращающийся к факту как основе вымысла, но Доктору утверждает, что не стремится достовернее, чем историки, интерпретировать события.

Отвечая на вопрос о своем отношении к прототипам персонажей своего романа, автор замечает:

Те, кто не читал романа, полагают, что он написан в защиту Розенбергов. Это неверно. Я не пытался выяснить, виновны Розенберги или не виновны. Роман не о них. Он о том, что с ними произошло. Это уголовное дело – канонический портрет Соединенных Штатов 50-х годов, автопортрет эпохи психоза в масштабах страны. Вот о чем моя книга. И еще о том, на что способны родители, одержимые идеологическими фантазиями, сами того не сознавая, сотворить с жизнью своих детей [Домбаян].

При этом, настоящие дети Розенбергов, Майкл и Роберт Миропол, хотя и боролись за восстановление чести своих родителей, не потеряли себя, не повторили судьбы своих родителей и не погибли.

Роман имеет три концовки: первая показывает арест Айзексона; вторая – их похороны, плавно переходящие в похороны Сьюзан, которой все-таки удалось покончить с собой; третья изображает Даниила, заканчивающего свое повествование в библиотеке, из которой его выгоняет один из участников студенческого антивоенного движения, которые оккупировали и закрыли библиотеку:

Закрывай книгу, парень! Что с тобой не так? Разве ты не знаешь – ты освобожден! [Doctorow, с. 320].

Именно в этот момент рассказчик подходит ближе к обретению собственной идентичности, поэтому можно сделать вывод, что «Книга Даниила» – это несколько историй в одной. Это Bildungsroman (роман воспитания) – история взросления Даниила Айзексона, Künstlerroman (роман о художнике) – история писателя в поисках своей идентичности и решающего для себя ключевые социальные проблемы. «Это история выжившего... История отмщения... История выпускника университета в поисках темы выпускной квалификационной работы» [Parks, с. 456].

Стоит заметить, что Герои романа Доктору 2009 года, Гомер и Лэнгли Коллиеры, собирали газеты, чтобы создать одну, отображающую их время в одном выпуске. Вероятно, похожую цель преследовал Доктору при написании «Книги Даниила». В этом смысле можно предположить,

что сыграла свою роль и уже зарождающаяся в 60-70е гг. XX века постмодернистская парадигма, которая позже проявила себя и в других книгах писателя.

Таким образом, в романе «Книга Даниила» текстуализация и мифологизация реальности – основные задачи автора. Реакция Доктору на недоказанную вину и казнь семьи шпионов определенно просматривается в романе. Очевидно, что он, как любой другой романист, не поддерживает сторону обвинения. Однако творческий процесс, повествование, текст, игра с образами автора, персонажа и рассказчика, названного именем библейского пророка, несомненно, занимают его более всего: «Даниил избегает реальной истории посредством написания ее» [Parks, с. 456].

Список литературы

Домбаян Е. Перевод интервью с Э. Л. Доктору «...соединять зримое и незримое, прошлое и настоящее...». Из цикла «Американские беседы» // Иностранная литература. 2011. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/1/do2.html> (дата обращения: 10.05.2016).

Doctorow E. L. The Book of Daniel. N. Y.: Random House Trade Paperbacks, 2007. 320 p.

Dillon B. The Rosenbergs Meet Nebuchadnezzar: The Narrator's Use of the Bible in Doctorow's The Book of Daniel // Critique: Studies in Contemporary Fiction. Summer 1999, Vol. 40. No. 4. Pp. 365–378.

Harpham G. G. E. L. Doctorow and the Technology of Narrative // Modern Language Association. Vol. 100. No. 1 (January 1985). Pp. 81 – 95.

Parks J. G. The Politics of Polyphony: The Fiction of E. L. Doctorow // Twentieth Century Literature. Vol. 37. № 4 (Winter 1991). P. 454 – 463.

References

Dombaian, E. (2011). *Perevod interv'iu s E. L. Doktorou «...soediniat' zrimoe i nezrimoe, proshloe i nastoiashchee...»*. Iz tsikla «Amerikanskie besedy» [Translation of an Interview with E. L. Doctorow "... joining visible and invisible, past and present ...". From the Series "American Conversations"]. Inostrannaia literature, No.1. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/1/do2.html> (accessed: 10.05.2016). (In Russian)

Doctorow, E. L. (2007). *The Book of Daniel*. 320 p. N. Y., Random House Trade Paperbacks. (In English)

Dillon, B. (1999). *The Rosenbergs Meet Nebuchadnezzar: The Narrator's Use of the Bible in Doctorow's The Book of Daniel*. Critique: Studies in Contemporary Fiction. Summer 1999, Vol. 40. No. 4. Pp. 365 – 378. (In English)

Harpham, G. G. (1985). *E. L. Doctorow and the Technology of Narrative*. Modern Language Association. Vol. 100. No. 1 (January 1985). Pp. 81–95. (In English)

Parks, J. G. (1991). *The Politics of Polyphony: The Fiction of E. L. Doctorow*. Twentieth Century Literature.

Vol. 37. No. 4 (Winter 1991). Pp. 454–463. (In English)

The article was submitted on 29.08.2016
Поступила в редакцию 29.08.2016

Чернецова Екатерина Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
101000, Россия, Москва,
Мясницкая, 20.
chernetsova.k@gmail.com

Chernetsova Ekaterina Vladimirovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
National Research University
“Higher School of Economics” (HSE),
20 Myastitskaya Str.,
Moscow, 101000, Russian Federation.
chernetsova.k@gmail.com